

Дорога без конца

Держу в руках новую книгу стихотворений своего давнего хорошего товарища Владимира Гузия. Книга озаглавлена очень знакомо — «Пушкинский праздник». Когда строительство БАМа обрело силу и всесоюзный разворот, участники литературной студии «Звено» придумали для себя торжество, которое назвали праздником Пушкинской поэзии. И с конца семидесятых годов прошлого века постоянно стали проводить в Тынде в день рождения великого поэта, 6 июня, это радостное действо. Приезжали маститые литературные гости из разных крупных культурных центров, собирались под своды знаменитого Дома культуры «Юность» начинающие стихотворцы из при-трассовых поселков, не обходили стороной в этот день столицу БАМа и амурские писатели. Звучали бессмертные строфы гения отечественной словесности и вольной мысли. Взволнованными голосами читались никому не ведомые строки нынешних последователей Пушкина. Дарились друг другу свои книжки, записывались в блокноты адреса новых друзей. Завязывалась переписка. Все наполнялись вдохновением для дальнейшей творческой работы, испив из чистого и неиссякаемого родника пушкинской поэзии.

Боже мой! Сколько уже воды утекло в реке времени... БАМ потряс страну, подарил радужные ожидания экономических чудес, многие из которых так и не сбылись. «Прорабы» перестройки обманули ожидания тысяч молодых романтиков, бросивших мещанский потребительский уют мегаполисов ради мечты — построить дорогу в будущее. Построить не по указке, своими руками, не жалея душевных и физических сил. О, они могли многое! Их предательски лишили перспективы. Но никто и никогда не смог лишить того, что Пушкин определил емкой фразой, лучше которой еще никто до наших дней не определил секрет бесконечной энергии юности — «души прекрасные порывы». Вот вечный двигатель жизни!

Идут по магистральным рельсам грузовые эшелоны с древесиной, якутским коксующимся углем, рудой и прочими дальневосточными полезностями. Страна помаленьку богатеет, прирастая плодами тру-

дов поколений бамовцев. Уже в послевоенной истории магистрали появились внуки первопроходцев, а ведь у них были и довоенные прадеды. Кто-то уехал обратно в родные места за Уральским хребтом. Кто-то навсегда лег в мерзлую землю среди сопок и марей, которые пронзает БАМ. Многие пустили корни в почву новой родины. Среди них одной из самых ярких фигур видится мне поэт Владимир Гузий. Он остался жить и работать в Тынде, жители которой называли его своим Почетным гражданином. Ореолом легенд он успел окутать себя при жизни. Одна из них рождена подвигом, который, насколько мне известно, никто еще не повторил до сих пор.

Помнится один из наших разговоров с Володей, когда мы оба были участниками VII Всесоюзного совещания молодых писателей СССР ранней зимой 1979 года. Минул очередной день семинарских бдений, критических разборов рукописей, посещений столичных издательств и московских достопримечательностей. За окном номера гостиницы «Юность», где мы жили вдвоем, неумолчно шумела столица, не умеющая спать по-людски, не дающая ночного мрака даже при плотно зашторенном окне. Я спросил товарища, о чем он мечтает. Тогда этот вопрос был уместен, сегодня я вряд ли бы задал подобный. Володя долго молчал. На потолке дрожали и бежали отсветы уличных огней. «Хочу пройти трассу от Усть-Кута до Ванино... Пешком... Конечно, не враз, а по частям, но чтобы они составили обязательно ровную линию...» Он так и сказал: «хочу», а не «мечтаю». Голос звучал спокойно, без пафоса и поэтического нажима. И я понял, что он это сделает. И он сдержал слово, время и товарищи тому свидетели. Он неоднократно поднимался на самые высокие пики Кодарского хребта, сплавлялся по бурным таежным рекам, разжигал костры у скальных прижимов, смотрел в бездонное звездное небо. Испил чистейшей байкальской воды и стоял на берегу Татарского пролива, смахивая со щек соленые брызги прибоя. Был участником укладок «серебряных» и «золотых» звеньев магистрали на Восточном, Северном и Западном участках БАМа, сбоек Северомуйского и Нагорненского тоннелей.

И везде он писал стихи — упругие и честные строчки о времени и о себе. А значит и обо всех строителях магистрали. С годам поменял рабочую профессию электромонтера на труд художника-оформителя, а затем стал и журналистом. Книгочей до мозга костей, он все свободные деньги тратил на покупку книг — русской и зарубежной классики, современных переизданий бестселлеров, совершенно новые

имена на глянцевых обложках «современниковских» и «молодогвардейских» массовых тиражей различных серий и библиотечек. Комнаты его квартиры сверху донизу были уставлены фолиантами, не вмещающимися на стеллажи и выпадающими из шкафов. Однажды я повстречал Гузия с десятитомником сочинений одного из известнейших отечественных композиторов, который он тащил из тындинского книготорга в объемистом походном рюкзаке. Килограммов пятнадцать, не меньше, сплошных нот в добротнейших кожаных переплетах с золотым тиснением и астрономическими по тем временам ценами на обороте. «Зачем тебе это?» — не удержался я от простецкого вопроса. Володя лишь усмехнулся: «Что ты! Это же ведь Шостакович...»

Он не спешил с публикациями, пробовал силы в прозе и драматургии. Невзирая на занятость по работе, семейные хлопоты и туристские увлечения, успешно учился в Литературном институте. Разумеется, заочно. Довольно поздно, в зрелом возрасте, занялся изданием своих книжек, что сейчас, при внешней легкости, почти детективное занятие. Причем свою первую книжку выпустил, похлопотав заодно и о публикации стихотворений Тамары Шульги и Жанны Ржевской. Попутно собирая альманахи бамовских поэтов «Золотое звено», «Цветы багульника» к 25-летнему и 30-летнему юбилеям магистрали. Да и солидный сборник «Тында. От оленьих троп до столицы БАМа» — тоже дело его рук. И это далеко не всё. За первой персональной книгой Владимира Гузия «Образ действия» последовала без длительного перерыва вторая — «Пересечение дорог». Они вызвали интерес у читателей, внимание критиков и литературной общественности. А в рабочем столе поэта копились новые рукописи, в голове роились свежие замыслы и строились планы.

Когда я предложил товарищу написать рекомендацию для вступления в Союз писателей России, Владимир только и спросил: «Ты думаешь, пора?» «Давно пора», — ответил я вполне убежденно. На общем собрании Амурской писательской организации все дружно проголосовали «за». Только одна лишь капризная поэтесса, занятая лирическим самокопанием, начала пенять Гузию за то, что он задержался де на бамовской тематике, а поезд современной поэзии ушел далеко. Помню, как заходили желваки на заострившихся скулах человека, оставившего следы своих ног на всем более чем трех с половиной тысячекилометровом пути к океану. Там, где барынька и во снах не летала, занятая поискам «следов льва на лунной дорожке». Ответил он по-мужски достойно — новой прекрасной книгой «Чукчу-

ду». В ней он словно бы подводил итог своему бамовскому прошлому и в то же время показывал нам новые горизонты творческих поисков, которые занимали его последние годы. Без ностальгии он прощался с юностью и молодостью, открывая двери мудрой зрелости.

Приезжая в Благовещенск на собрания писательской организации, Владимир останавливался погостевать у меня. За рюмкой чая мы немало успели обсудить, вспомнить былое и посожалеть о потерях. Увы, утраты преследовали нас. Начинался, говоря словами читинского поэта Михаила Вишнякова, бывавшего в наших краях и оставившего о себе добрую память, «листопад нашего поколения». Но Володя смотрел вперед, он загорелся исследованием исторического наследия русского народа. В свои продолжительные северные отпуска отправлялся в Центральную Россию. Бывал на поле Куликовом и других средоточиях отечественной ратной славы, посещал исторические архитектурные ансамбли и музеи русских писателей. Особо его захватили посещения пушкинских мест — Михайловского, Тригорского, Болдино, Санкт-Петербурга, Москвы. На фотопленке оставались снимки живописных пейзажей, представавших некогда перед взором Александра Сергеевича. Отреставрированные заново дома, в которых жил великий поэт, писал свои сочинения и принимал гостей, обретали под пристальным взглядом Гузия черты подлинной старины, поскольку рядом с ними Владимир помещал свои новые стихи о Пушкине, его жене Натали, о доброжелателях и недругах Поэта. Незаметно и последовательно рождалась новая книга, о которой я упомянул в самом начале своей статьи. В письмах из Тынды ко мне постоянно приходили всё новые и новые стихотворения на эту тему.

Признаться, после прочтения новых стихотворений Владимира для меня многое увиделось в пушкинской биографии совершенно по-новому, без хрестоматийного глянца, восхвалительного захлебывания. Это был Пушкин, которого Гузий приглашал в наши дни. Хотя обычно последователи и исследователи пытаются возвратиться сами в начало 19-го века. Но там мы лишены опоры под ногами, словно зависаем в пространстве и времени. А тут вот вместе с сосланным поэтом паримся в деревенской баньке:

Веник с мятою распарен,
Приготовлен шибкий квас.
Ах, какой красивый барин
Будет вскорости у нас!

Он за что-то кем-то сослан
В троегорские края,
К трем живичным теплым соснам,
К ледяной воде ручья.

Кто ссылал его, не знает,
Как целебна здесь всегда
Молодильная, лесная,
Светлой Сороти вода.

Как здесь шубой накрывает
От камней идущий жар.
И ведет тропа прямая
На крыльцо, где самовар.

Как-то разом помудревший,
Злость и грусть спалив дотла,
Он идет, помолодевший,
От кипящего котла.

Да ведь это тот самый котел из так любимых Пушкиным русских сказок, в коем доброму молодцу силы черпать суждено, а злому во-рогу погибнуть окаянному. Мы, оказывается, участвовали вместе с Поэтом в духовном очищении, а не просто гигиенической процедуре, столь любимой и поныне завсегдатаями саун и парилок. Такой Пушкин мне особенно близок и понятен. «Над вымыслом слезами обольюсь» — писал посетитель гузиевской «Баньки». А мне чудится в воссозданной картине чистой воды правда. Вот как ведь все переплетается у поэтов!

Когда прочитал стихотворение «Елизавета Воронцова», так много всколыхнулось в моей памяти, что я мысленно поблагодарил автора за его строки, обращенные к женщине, подарившей Поэту талисман в виде перстня: «...Как и мечтал поэт в Одессе, / Он стал повсюду знаменит. / Но пепел писем, пепел песен / Их тайну вечную хранит». Каким-то почти мистическим способом стихотворение Пушкина «Талисман», обращенное к графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, жене «полумилорда, полукупца», новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области графа Михаила Семеновича Воронцова, под надзором которого отбывал Поэт южную ссылку,

Владимир Гузий возле дома А.С. Пушкина
в Михайловском. 2008 г.

спасло жизнь мне и моей семье. Но это особая история, описанная мною в эссе «Напрасно я бегу к Сионским высотам...». Желающих понять меня до конца отсылаю к альманаху «Приамурье» № 4 (22) за 2000 год. В свое время мы говорили с Владимиром Гузием о всепроникающем пушкинском влиянии на наши судьбы, о почти божественной силе его Слова. А может быть, и сам Бог говорил устами Поэта-

пророка? Не одним же юродивым вещать царям истину.

Не стану утверждать, что по книге «Пушкинский праздник» можно изучать биографию Поэта. Очевидно, что автор и не ставил перед собой такой цели. Но поступательное движение от детских лет Пушкина к трагической развязке ведется по самым узловым точкам судьбы. Не случайно упомянуто в стихотворении «Первый журнал» детское рукописное издание «Неопытное перо», затеянное четырнадцатилетним Антошей Дельвигом и его младшим другом Сашей Пушкиным, которому было годом меньше. Игра игрой, а «От игр и шуток час украв, / Еще не ведают поэты, / Что выйдет из таких забав / «Литературная газета».

У гениев всяко лыко в строку. Но это ведь надо осмыслить и почувствовать, что в жизни Пушкина «Всё легко, и всё очень всерьез, / И свобода — ни с чем несравнима». В оковах ссылки он вспоминает, что много веков назад в этих краях томился великий Овидий. Размышляя над этим невольным совпадением в судьбах гонимых поэтов, Гузий делает вывод, объясняющий главное: «Столений двадцать пролетело, / Куда ни кинь — одни руины. / И только слово уцелело. / Стихи свежи и неповинны».

Невольно прекращаешь чтение книги и начинаешь думать применительно к себе: а что останется от нас через, нет, не двадцать веков, а хотя бы через двадцать лет? Сможем ли мы воскликнуть по-пушкински: «Нет, весь я не умру!..»? Сохранят ли наши строки

атмосферу времени? Это и урок, и предостережение: цена за право говорить людям истину — твоя жизнь. Целиком и полностью.

Вот почему Гузий прикасается к пушкинской жизни не пером реставратора и обновителя, а всем своим сердцем, не выдержавшим в итоге высочайшего напряжения нравственной ответственности перед громадной темой. В типографских выходных данных «Пушкинского праздника» значится, что книга подписана в печать 14 апреля 2009 года.

А днем ранее Владимира не стало... Его вдова Ирина Николаевна написала мне позже, что в очередной отпуск муж отправился с целью продолжить творческие поиски, связанные с посещением литературных мест России. Намеревался заехать в Краснодарский край и к другу-поэту Виталию Лукашенко, с которым они сблизились на БАМе. Но не доехал... Сердце остановилось в Волгограде, там и лег на кладбище рядом со своей матерью Любовью Михайловной. Что это, как не судьба?

Планов было много, времени уже не оставалось. А ведь еще буквально за полгода до кончины Владимир прислал мне из Пушкинского заповедника в Псковской области, в специальном конверте, на котором изображены дом Пушкина, гусиное перо и факсимиле подписи Поэта, с марками и почтовой печатью с пушкинской символикой, вот эти строки.

«...Пишу тебе из святого места — из Пушкинских гор, которые раньше так и назывались — Святые горы. В 350 метрах от нашей гостиницы Святогорский монастырь, где похоронен Пушкин. Вчера с Ириной положили цветы на могилу поэта, поставили свечи в храме. Потом на такси рванули в Тригорское. Походили там по всем памятным аллеям вдоль прудов. Я посидел на скамье Онегина. Зашли в баньку, где любил писать поэт. Потом вдоль по берегу Сороти прошли до Савкиной горки, потом — до Михайловского пять километров. В Михайловском мы провели весь день до этого. Сходили на мельницу в Бугрове, в Петровское, похлебали щец под местную водочку.

До этого два дня провели в Санкт-Петербурге. Прогулки по Невскому и Дворцовой площади, на катере — по каналам и рекам. Музеи Ахматовой и Достоевского. Поездка в Царское село (г. Пушкин), в золотые аллеи Екатерининского парка.

В общем, впечатлений масса. Все это переплавится в стихи, и где-то в феврале выйдет новая моя книга.

До свидания!»

Книга, которую он так мечтал подержать в руках, надписать и разослать родным и друзьям, вышла уже после внезапного Володиного

ухода. Но свидание все же состоялось — с его стихами, в которых я слышу голос товарища, ощущаю сердечный ритм, радуюсь поэтическим находкам, метким образам, точным деталям того, что стало частью огромной отечественной Пушкинианы.

ОКТЯБРЬ В МИХАЙЛОВСКОМ

Я обошел три раза этот дом.
Пусть новодел, и все-таки он вечен.
Всё та же Сорочь вьется под холмом,
Всё те же ели тянутся навстречу.

Всё те же липы листья льют на нас,
Лишь прибавляют годовые кольца.
И кажется, что вдруг, вот-вот, сейчас
Зальются по дороге колокольцы.

Всё так же величавы и чисты
Аллея Керн и пруд уединенья,
Где вновь явился гений красоты
И повторилось чудное мгновенье.

Всё то же золото по рощам и багрец,
И стадо вечное бредет домой, вздыхая.
И озеро живое Маленец
Ни при какой жаре не высыхает.

Разве может иссякнуть народная любовь к Пушкину и вечное стремление напитаться у его животворящего источника новых сил? Вот почему до сих пор жив в Тынде праздник пушкинской поэзии, одним из организаторов которого был до самого последнего вздоха Владимир Гузий. Праздник этот не самый массовый в стране, чтящей Поэта, но без него картина была бы не полная. Долгое время доминантой творчества Владимира была Дорога. Пишу это слово с заглавной буквы, потому что, прочитав «Пушкинский праздник» от корки до корки, вновь убедился, что у настоящей Дороги не бывает конца. Как не бывает конца и забвения у настоящих поэтов, к числу которых принадлежит и автор книги, о которой я попытался рассказать вам.

*«Пушкинский проспект». Литературное приложение
к газете «Амурский дилжанс», 2009 г.*